

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

**Народная и обыденная
латынь на древнем западе,
в частности у христиан**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1914. № 1. С. 78-101.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Народная и обыденная латынь на древнемъ западѣ, въ частности у христіанъ.

ХРИСТИАНСКАЯ латынь, и по назначенію христіанства прежде всего для «труждающихся и обремененныхъ», и по лицамъ, изъ которыхъ въ дѣйствительности по преимуществу составлялись первыя и вообще раннія христіанскія общины на западѣ, какъ и на востокѣ, должна была имѣть, особенно на первыхъ порахъ, много общаго съ языкомъ людей изъ народа, людей простыхъ, мало или совсѣмъ не образованныхъ, и съ рѣчью обыденной, которая обычно бываетъ чужда литературнаго колорита. Такъ было и на дѣлѣ. Поэтому для отчетливаго пониманія разныхъ явленій въ христіанской латыни, ихъ происхожденія и значенія, необходимо имѣть въ виду соотвѣтствующія или соприкосновенныя явленія въ народной и обыденной латыни вообще. Для объясненія языка христіанъ даннаго времени и мѣста, разумѣется, наиболѣе полезно имѣть въ виду народный и обыденный языкъ того же самого времени и той же мѣстности. Однако важно въ этомъ случаѣ и знакомство съ латинскимъ народнымъ и обыденнымъ языкомъ вообще: въ немъ держались свои традиціи и укоренившіяся привычки и сказывались нѣкоторыя общія, всегда—въ главномъ—одинаковыя черты народной мысли при ея выраженіи въ словѣ ¹⁾).

¹⁾ Литература предмета за послѣднія 50 лѣтъ, извѣстная автору предлагаемаго очерка:

Berblinger, De lingua romana rustica quaestionum grammaticarum particula 1, Glückstadt, 1865.

Böhmer, Die latein. Vulgärsprache, Progr. Oels, 1866.

Понятіе о народно́й (въ широкомъ смыслѣ) латыни до нѣкоторой степени опредѣляется ея названіями, встрѣчающимися у древнихъ писателей, и синонимическими этимъ названіямъ

Schuchardt, *Der Vokalismus des Vulgärlateins*, I—III, Lpz. 1866—1868.

Guericke, *De linguae vulgaris reliquiis apud Petronium et in inscriptionibus parietariis Pompeianis*. Diss. Gumbinden, 1875.

Rönsch, *Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der röm. Volkssprache*. 2. Ausg. Marburg 1875.

Wölfflin, *Bemerkungen über das Vulgärlatein*, въ *Philologus*, 1875, Bd. 34, s. 137—165. Справ. Ней въ *Biogr. Jahrbuch f. d. Altertums-Wissenschaft*, 1911, s. 116—117.

Wölfflin, *Lat. und romanische Comparison*. Erlangen 1879.

Sittl, *Die lokalen Verschiedenheiten der lat. Sprache mit besonderer Berücksichtigung des african. Lateins*. Erlangen, 1882.

Sittl, *Jahresbericht über d. Vulgär—und Spätlatein aus den Jahren 1577—1883*, въ *Jahresbericht über d. Fortschr. d. kl. A.*, Bd. 40 (1884, III), s. 317 ff.

Edon, *Ecriture et prononciation du latin savant et du latin populaire*. Par. 1882. Справ. Egger въ *Journal des savants* 1883, Mars, p. 156—162.

Osthoff, *Schriftsprache und Volksmundart*. Berl. 1883.

Rebling, *Versuch einer Charakteristik der röm. Umgangssprache*. 2-er Abdruck. 1883.

Schulze, *De Symmachi vocabulorum formationibus ad sermonem vulgarem pertinentibus*. 1884.

Rönsch, *Beiträge zur kirchl. und vulgären Latinität*, въ *Zeitschr. f. österr. Gymn.*, 1885, 6—7 H., теперь въ *Coll. phil.*, hrsg. von Wagener, s. 164 ff.

Weise, *Ein Beitrag zum Vulgärlatein*, въ *Philologus* 1888, Bd. XLVII.

Gröber, *Vulgärlat. Substrate romanischer Wörter*, въ *Archiv f. lat. L. u. Gr.* VI (1889).

Sittl, *Was ist Vulgärlatein?* Докладъ, напечатанный въ *Verhandlungen der 40-ten Versammlung deutscher Philologen u. Schulmänner in Görlitz*. Lpz. 1890.

Ihm, *Vulgärformen lat. Zahlwörter auf Inschriften*, въ *Archiv VII*, 65—72.

Fisch, *Die lat. nomina personalia auf „o, onis“*. Ein Beitrag zur Kenntniss d. Vulgärlateins. Berl. 1890.

Seelmann въ *Göttinger gelehr. Anzeigen* 1890, s. 665 ff.

Sittl въ *Jahresber.* Bd. 68 (1891, II), s. 278.

Monceaux, *Le latin vulgaire d'après les dernières publications*, въ *Revue des deux mondes*, 1891, 15 Juli, vol. 106.

Keller, *Die vulgärlat. Deklination in der archaischen u. klass. Zeit*, въ *Südd. Blätter für höhere Unterr. Anst.* 1894.

Historische Grammatik der lat. Sprache. bearb. von Blase, Landgraf, Schmalz, Stolz, Thüssing, Wagener und Weinhold.

выраженіями: *plebeius sermo* у Цицерона, *sermo vulgaris* у Квинтилиана (сравн. встрѣчающіяся у грамматиковъ и глоссаторовъ выраженія, въ родѣ *vulgo vocant* или *dicitur*, также

Lpz. 1894 ff., а также соответствующія части, отдѣлы и замѣтки въ Iw. Müller, Handbuch der klass. Altertums-Wissenschaft, въ Die griech. und lat. Literatur und Sprache von Wilamowitz-Moellendorf; Krumbacher, Wackernagel, Leo, Norden, Skutsch (Die Kultur d. Gegenwart, T. I, Abt. VIII, Berl.—Lpz. 1905), въ Die lat. Sprache von Lindsay, übers. von Nohl (Lpz. 1897), въ Geschichte der lat. Sprache von Stolz (Sammlung Götschen, 1910), въ изслѣдованіяхъ W. Meyer-Lübke, помѣщенныхъ въ Gröber's Grundr. d. Roman. Philologie, 1², Strassburg 1905, и друг.

Cooper, Word-Formation in the Roman Sermo Plebeius, New-York, 1895; conf. A. Steward Manson, A study in latin abstract substantives, 1910 (по B. ph. W. 1912, 1, 22—23).

Huemer, Die Sammlung vulgärlat. Wortformen, въ Verh. d. 42. Vers. d. Schulm., p. 271—280.

W. Meyer-Lübke, рефератъ о народной латыни въ Vollmöller's Kritischer Jahresber. üb. d. Fortschr. d. Roman. Philol., II B., 1896.

Geyer, Jahresber. üb. Vulgär—und Spätlatein въ Jahresber. üb. d. F. d. kl. A.-W., Bd. 98,—1898, III.

Oleott, Studies in the Word Formation of the Latin Inscriptions, Substantives and Adjectives, with special reference to the Latin Sermo Vulgaris, 1898.

Heraeus, Die Appendix Probi, въ Archiv, XI. Отдѣльный оттиск—Lpz. 1899. Rec.: W. f. kl. Ph. 1900, 24, 655—6.

Oliver, Observations on the use of certain prepositions in Petronius with special reference to the Roman sermo plebeius. 1899.

Mohl, Introduction à la chronologie du Latin vulgaire, Par. 1899. Rec.: Journal des savants 1900, Févr.-Mars (M. Brea); L. C. 1901, 7, 283 (S. k.).

Mohl, Etudes sur le lexique du latin vulgaire, 1900.

Tschernjajew, De sermone Terentii plebeio aut quotidiano, 1900.

Kempf, Romanorum sermonis castrensis reliquiae, въ Jahrb. f. d. kl. Altert., Suppl. 26, Lpz. 1900.

Труды о такъ наз. Mulomedicina Chironis, въ томъ числѣ: Wölfflin, Proben d. vulgärlat. Mulomedie. Chir. въ Archiv, X; Pirson, Syntax du verbe, въ Festschr. zum 12. Deutschen Neuphilologentag, Erlangen, 1906; Ahlquist, Studien zu spätlat. Mulomedicina Chironis, Diss. Uppsala 1909 (Отз.: Fuchs въ W. f. kl. Ph. 1913, 2, 45); Proben aus Mulom. Chir., hrsg. v. Niederman, 1910 (Отз.: Schmalz въ B. ph. W. 1911, 45, 1398—1400). Объ этомъ памятникѣ см. Jahresber., hrsg. von Kroll, Bd. CLVIII (1912, ID, также Glotta, III, 4 (1912), s. 377—378.

Маленнъ, А., проф., въ статьѣ: „Латинскій церковный языкъ“, въ „Богосл. Вѣстн.“ 1907, ию, кн.

Meister, Altes Vulgärlatein, въ Indogermanische Forschungen, XXVI. Grandgent, An introduction to vulgar Latin, Boston 1908.

Meister, Das Vulgärlatein, въ Verhandl. der 50. Vers. deutsch. Philol. u. Schulm. in Graz. 1909.

sermo vulgi, consuetudo vulgi), proletarius sermo у Плавта, pedestris sermo у Веренія, rusticitas у Квинтиліана, rusticus sermo у Нигидія, по передачѣ Геллія (сравн. rustica vox, rusticum vocabulum, rustice loqui, sonus subrusticus, vox subagrestis у Цицерона, Геллія и друг.), militaris vulgarisque sermo у Иеронима и verba castrensia у Плинія ¹⁾). Своего рода опре-

Abbot, *Vulgar Latin in the Ars Consentii de barbarismis*. Chicago, 1909. Rec.: W. f. kl. Ph. 1910, 42, 1143—4 (Th. Stangl); срав. Glotta III, 4 (1912), 375.

Martin, *Notes on the Syntax of the latin inscriptions found in Spain*, Baltimore 1909.

Bléry, *Rusticité et urbanité romaines*. Thèse. Paris 1909. Rec.: La-faye въ J. des sav. XII, 543—550; Cartault въ Rev. cr. 1911, 7, 134—135.

Marx, *Ueber d. Beziehungen des Altlateins zu Spätlatein*, въ Neue Jahrb., 1909.

Clark, *The Cursus in Mediaeval and Vulgar Latin*, Oxford 1910.

Bourciez, *Eléments de linguistique romane*. Paris 1910. Max Niederman очень цѣнитъ здѣсь „Charakteristik des Vulgärlateinischen“ (B. ph. W. 1913, 33, 1046).

Vulgärlateinische Inschriften hrsg. von Diehl, Bonn, 1910. Отз.: Niederman въ B. ph. W. 1911, 46, 1433 ff.

Множество свѣдѣній о народной латыни дано въ изслѣдованіяхъ Löfsteda, особенно въ его Philol. Kommentar zur Peregrinatio Aethiopiae, 1911 (см. рец. въ ж. „Гермесъ“ 1912, 3, 79—83), и въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ разныхъ ученыхъ о языкѣ многихъ другихъ христіанскихъ авторовъ, какъ и античныхъ.

Schramm, *Sprachliches zur lex Salica. Eine vulgärlateinisch-romanische Studie*. Marburg 1911.

Abbot, *The common people of ancient Rome*. New-York 1911. Здѣсь, между прочимъ, идетъ рѣчь о народной латыни по надписямъ (Revue archéologique, 1912, Nov.-Déc., pag. 488).

Niederman, *Ueber einige Quellen unserer Kenntnis des späteren Vulgärlateinischen*, въ Neue Jahrbücher f. d. kl. A., 1912, 29 u. 30 Bd.

Pfister, *Vulgärlatein und Vulgärgriechisch*, въ Rhein. Mus. N. F. LXVII, 2 (1912). Сравн. B. ph. W. 1912, 36, 1122.

Brüch, *Der Einfluss der germanischen Sprachen auf das Vulgärlatein*. Heidelberg 1913.

Нѣкоторыя другія работы и частичныя наблюденія будутъ указаны ниже, по особымъ поводамъ, но, конечно, не всѣ, по ихъ многочисленности. Изучение народной и поздней латыни ведется нынѣ въ весьма широкихъ размѣрахъ. Сравн. освѣдомительныя замѣтки въ ж. „Гермесъ“ 1911, 1, 16—18; 1911, 18, 454—457, и друг., особенно Glotta, IV 4 (1913), 370—371, 382, 383, 386, 403, 420 ff.; Glotta, V, 3 (1913), 214 ff.

¹⁾ Соединеніе понятій vulgaris sermo и militaris sermo (сравн. verba castrensia) объясняется тѣмъ, что воины по большей части набирались изъ деревень или, во всякомъ случаѣ, изъ тѣхъ слоевъ населенія, въ которыхъ говорили вульгарной латынью.

дѣленіемъ народной латыни можетъ служить противоположеніе ей понятія *Latinitas*, подѣ которою разумѣлся языкъ челоуѣка, основательно изучавшаго въ школѣ правила языка и внимательно читавшаго образцовыхъ писателей. Языкъ такого челоуѣка считался правильнымъ ¹⁾. Напротивъ, вульгарно говорили простые люди, знавшіе о грамматикѣ и литературѣ только по наслышкѣ. Такая рѣчь слышалась на рынкахъ, въ мастерскихъ ремесленниковъ, въ деревнѣ, среди солдатъ. Вообще такъ наз. вульгарный или народный языкъ есть языкъ людей необразованныхъ, не соотвѣтствовавшій выработаннымъ нормамъ латинской рѣчи. Вульгарнымъ до извѣстной степени могъ быть названъ и языкъ людей, получившихъ недостаточное образованіе, и потому не правильный. Съ народнымъ языкомъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ сближался я языкъ обыденной жизни, *sermo cotidianus*, притомъ даже у людей очень образованныхъ, имѣвшихъ значительное общественное положеніе. Взаимную близость народной и обиходной латыни (конечно, сравнительную и относительную) замѣчали уже древніе, когда съ народной рѣчью ставили въ связь обыденную рѣчь ²⁾. Съ той же группой языковыхъ явленій, по нѣкоторымъ общимъ признакамъ, объединяется и *oppidanum genus dicendi* ³⁾. Языкъ маленькихъ городовъ, занимавшій средину между деревенской рѣчью, *rusticus sermo*, я языкомъ столицы, *sermo urbanus*, отождествлявшимся иногда и съ рѣчью литературной.

¹⁾ *Latinitas est quae sermonem purum conservat ab omni vitio remotum*, говорится въ риторикѣ ad Herenn. 4, 17. И Варронъ опредѣляетъ ее такъ: *Latinitas est incorrupte loquendi observatio secundum Romanam linguam* (Срав. Wilmanns, De M. Ter. Varr. libris gramm., p. 171). Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ Sittl (въ Archiv, VI, 559), слова *Latinus* и *Latine*, если они не противопоставляются обозначенію иностраннаго языка, указываютъ, по образцу термина ἑλληνισμός, на литературную латынь, въ противоположность народному языку. Не иной смыслъ имѣютъ и заглавія грамматическихъ трудовъ, напримѣръ Варрона II. de lingua Latina и de sermone Latino, Флавія Капра de Latinitate и друг.

²⁾ Cic. Epist. ad famil. I, 1, 2; IX, 21, 1: *quid tibi ego videor in epistulis? nonne plebeio sermone agere tecum? Nec enim semper eodem modo: quid enim simile habet epistula aut iudicio aut concioni? quin ipsa iudicia non solemus omnia tractare uno modo...; epistulas vero cotidianis verbis texere solemus*. Сравн. Suet. Oct., 87; Quint. XII, 10, 40: *(cotidiano sermone) cum amicis, coniugibus, liberis, servis loquimur*.

³⁾ Cic. Brutus, 69, 242: *...ignoti homines et repentini... oppidano quodam et incondito genere dicendi*.

Наконецъ, народная латынь могла имѣть не мало общаго съ особенностями языка въ латинизированныхъ областяхъ Италіи (въ области вольсковъ, умбровъ и проч.), питавшими эту латынь и вмѣстѣ съ нею или—точнѣе—въ ней перешедшими въ послѣдствіи за предѣлы Италіи, при посредствѣ римскихъ войскъ и колонистовъ ¹⁾).

Народный латинскій языкъ не представлялъ особаго идиома, существенно и рѣзко отличавшагося отъ рѣчи книжной или литературной ²⁾). Это была та же, въ сущности, латынь, какъ и языкъ памятниковъ художественной римской письменности. Однако рѣчь, бывшая въ употребленіи у народа, имѣла и не мало особенностей, притомъ на столько значительныхъ и по характеру и по количеству, что представляется и возможнымъ и необходимымъ выдѣлить ее въ качествѣ какъ бы своего рода разновидности общелатинскаго языка ³⁾). Ошибки и слутанность сужденій въ рѣшеніи этого вопроса на протяженіи длиннаго ряда лѣтъ зависѣли, какъ увидимъ, отъ того, что понятія, о которыхъ шла рѣчь, не были опредѣлены со всею точностію и въ надлежащемъ ихъ объемѣ, затѣмъ отъ того, что не были правильно уяснены отношенія между народнымъ и книжнымъ или литературнымъ языкомъ, а также, повидимому, и отъ того, что не было установлено посредствующее положеніе обыденнаго языка людей образованныхъ между чисто литературною и простонародною рѣчью ⁴⁾). Сужденія о взаим-

¹⁾ Mohl, *Introd.*, p. 16, утверждаетъ, что въ основу народной латыни вошла не только *rusticitas latina*, перенесенная въ разныя области Италіи первыми римскими колонистами, но -- и въ особенности — *reg-egrinitas italica*, вошедшая въ латынь въ продолженіи ея долгихъ странствованій по полуострову.

²⁾ Bonnet, *Le Lat. de Grég. de T.*, p. 31--32, упоминаетъ, что такъ наз. народной латыни придаютъ иногда черты настоящаго, особаго языка, который будто бы существовалъ рядомъ съ латинскимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ, и съ своей стороны справедливо замѣчаетъ, что вульгарная латынь, понимаемая такимъ образомъ, существовала только въ воображеніи нѣкоторыхъ ученыхъ.

³⁾ По Schuchardt, *Der Vocal. d. V.*, I (1866), *Vorr.*, S. XI, въ народной латыни есть явленія, корни которыхъ глубоко лежатъ въ латинскомъ языкѣ вообще и которыя въ народной рѣчи получили только большую распространенность. Сравн. Stolz въ *Hist. Gramm. d. I. Spr.* I B., I H., S. 21 ff., 29, 34, 42 ff.

⁴⁾ Пеленость понятій наблюдалась еще въ періодъ такъ наз. возрожденія (Schuchardt, I, 44--45). То же можно сказать и о болѣе позднемъ времени. Еще не очень давно высказывалось мнѣніе, что у рим-

номъ отношеніи между народной и книжной латынью расходились до противоположности и по вопросу о происхожденіи той и другой. По одному мѣнью, которое признается наиболѣе ненаучнымъ, *sermo plebeius* есть огрубѣвшій и искаженный классическій языкъ. По другому представленію, напротивъ, такъ называемый столичный или пзщный римскій языкъ выработался изъ народной рѣчи.

Поставленный вопросъ можетъ быть рѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Какъ нашъ, напримѣръ, народный говоръ, по своимъ типическимъ чертамъ и мѣстнымъ особенностямъ, представляеть какъ бы разновидность общерусскаго языка, другою разновидностью котораго является наша литературная рѣчь, такъ точно и латинскій народный говоръ представляеть какъ бы особый видъ латинскаго языка, одинаково съ латинской книжной рѣчью. По той же аналогіи можно представляеть себѣ и ихъ взаимныя отношенія. Русская народная рѣчь составляетъ особенное теченіе въ общерусскомъ языкѣ, которое, въ существенномъ, шло независимо отъ развитія нашего литературнаго языка, въ свою очередь, до извѣстной степени, также независимаго отъ народной рѣчи. Подобно этому и въ Римѣ *sermo plebeius*, какъ разсуждалъ еще Шухардтъ, не стоитъ къ *sermo urbanus*, къ языку столичнаго общества, въ отношеніи ни по нисходящей, ни по восходящей линіи, но въ отношеніи сосуществованія. Въ первоначальномъ римскомъ языкѣ, въ *prisca latinitas*, имѣли свое основаніе оба эти вида языка (или языковыхъ діалекта, по черезчуръ сильному и потому неправильному выраженію Шухардта); особенности же этихъ видовъ были слѣдствіемъ особыхъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ латиняне пользовались своимъ языкомъ ¹⁾, слѣдствіемъ рѣзкаго раздѣленія сословій въ римскомъ государствѣ и обособленія правящаго, сравнительно болѣе образованнаго, класса, который въ своихъ, напримѣръ, оффиціальныхъ совѣщаніяхъ сталъ со временемъ пользоваться особо торжественными формами рѣчи. При этомъ, что и естественно, народный

языкъ никогда не было народнаго языка, отличавшагося отъ книжнаго языка, что-де слѣдуетъ, наконецъ, отказаться отъ суевѣрія относительно плебейской латыни (см. *Liter. Centralblatt* 1863, № 41). Подобный взглядъ, хотя и въ не столь рѣзкой формѣ, выражался, какъ увидимъ, и позже.

¹⁾ „Каждый говорить иначе, если онъ дѣлаетъ оффиціальный публичный докладъ, а не бесѣдуетъ о будничныхъ дѣлахъ“ (*Schuhardt*, I, 49).

латинскій языкъ былъ ближе къ первоначальному единому римскому языку ¹⁾). Въ этомъ смыслѣ его даже можно, пожалуй, назвать, вмѣстѣ съ Монсо ²⁾, первоначальнымъ языкомъ Рима, языкомъ національнымъ, имѣющимъ тѣсное родство съ другими италійскими діалектами, какъ на примѣръ умбрскимъ и осскимъ. Латинскій народный языкъ всегда развивался сравнительно свободно, хотя и не оставался вполнѣ чуждымъ нѣкоторыхъ вліяній болѣе развитой рѣчи. Онъ жилъ на устахъ людей изъ народа, солдатъ, торговцевъ, поселянъ, вообще всѣхъ необразованныхъ людей. На немъ иногда и писали, но руки неискusstныя, на гробницахъ и на стѣнахъ Помпей. Въ немного очищенномъ видѣ онъ допускался и въ разговорѣ людей изъ хорошаго общества. Случалось, что онъ проникалъ и въ литературу. Латынь народная и латынь литературная начали раздѣляться еще въ глубокой древности, и это раздѣленіе было уже очень замѣтно во времена классическія. При этомъ языкъ, которымъ говорилъ народъ и который не былъ фиксированъ, долженъ былъ измѣняться безконечно, между тѣмъ какъ писатели обязаны были держаться въ предѣлахъ болѣе или менѣе тѣсныхъ ³⁾.

Мнѣніе о народной латыни, какъ объ особомъ—съ нѣкоторыхъ сторонъ—видѣ латыни, до нѣкоторой степени намъ извѣстномъ, могло до 1891 года казаться достаточно твердо обоснованнымъ; сомнѣній оно почти не возбуждало. Поставилъ его подъ вопросъ тотъ же самый ученый, К. Зиттель, который содѣйствовалъ прежде его упроченію. Въ указанномъ году, въ своемъ обзорѣ новыхъ трудовъ о народной и поздней латыни, появившихся въ періодъ 1884—1890 г., онъ писалъ: «Когда я въ 1882 г. издавалъ свою книгу (*Die lokalen Verschiedenheiten der latein. Sprache*), я находился подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда взглядовъ: на 20-мъ году жизни это было понятно и извинительно. Книга встрѣтила неодинаковый пріемъ; мои порицатели предоставили самому мнѣ опровергать себя. Теперь, на основаніи значительнаго матеріала, я могу

¹⁾ Отсюда понятны формы архаической латыни, которая въ большомъ количествѣ встрѣчается въ романскихъ языкахъ, и такія явленія, какъ итал. слово *osteria*, напоминающее архаическое *hostis* въ значеніи чужестранецъ, „гость“ (сравн. „гостей“ у новгородцевъ въ старой Руси). Mohl, *Introduct.*, 8, противъ Miodonski въ *Arch.* VIII, 149.

²⁾ P. Monceaux въ *Rev. d. deux mondes*, tom. CVI, 1891, p. 431.

³⁾ Regnier, *De la lat. des serm. de Augustin*, 1886, p. 3.

высказать такое сужденіе: народная латынь, съ которой оперируютъ латинисты, есть созданіе фантазіи» ¹⁾). Возраженія Зиттля противъ почти безраздѣльно господствовавшихъ дотолѣ взглядовъ были найдены заслуживающими вниманія. Однако выставленное имъ новое положеніе не нашло общей поддержки. Въ замѣткѣ, напримѣръ, А. Miodowski о рефератѣ Зиттля, напечатанной въ 1893 году, были, между прочимъ, выражены слѣдующія сужденія. Намѣренно и сознательно никто не писалъ народнымъ языкомъ. Но были авторы, которые получили слишкомъ скудное образованіе, чтобы имѣть возможность писать правильно. Они не хотѣли писать вульгарно, однако писать иначе не умѣли. Архитекторъ Витрувій самъ извиняется въ своихъ погрѣшностяхъ противъ грамматики: *non enim architectus potest esse grammaticus*. Страдаетъ крайностью и заявленіе, что никто изъ церковныхъ авторовъ не писалъ дѣйствительно народнымъ языкомъ, всего же меньше переводчики Библии. Если они изъ словъ Новаго Завѣта о проповѣди Евангелія бѣднымъ выводили заключеніе, что слѣдуетъ писать и говорить народнымъ языкомъ, чтобы люди понимали ихъ, то было ли это лишь софистическимъ приемомъ—играть роль неискusstныхъ? Развѣ всѣ теологи были въ состояніи писать по-классически, если они жили во время упадка языка? По мнѣнію рецензента, скептицизмъ автора идетъ такъ далеко, что онъ, для устраненія подозрѣнія въ вульгарности нѣкоторыхъ формъ, принужденъ хвататься за искусственное, невѣроятное объясненіе. Въ качествѣ свидѣтелей народной латыни Зиттль, повидимому, называетъ теперь только составителя такъ наз. *Appendix Probi* и автора «Пира Тримальхіона». Мы, говоритъ рецензентъ, вопреки этому принимаемъ большее количество источниковъ народной латыни, хотя и сознаемъ, что матеріалъ, представляемый ими, скуденъ, и они не даютъ отчетливаго представленія о вульгарной латыни въ какую-либо эпоху. Свои немалочисленныя критическія замѣчанія рецензентъ заканчиваетъ выраженіемъ мысли: Зиттль склоненъ отречься отъ народной латыни, но кого вполнѣ убѣдятъ его слова ²⁾)?

¹⁾ Jahresber. Bd. 68 (1891. II), S. 226 ff. Здѣсь представлены и основанія новаго взгляда. Задатки его можно находить уже въ докладѣ Зиттля на гёрлицкомъ съѣздѣ въ октябрѣ 1889 года.

²⁾ А. Miodowski въ Archiv VIII (1893), s. 146—149.

Не убѣдилъ Зиттль и Гейера, изслѣдователя очень освѣдомленнаго въ поздней и, въ частности, христіанской латыни. Въ рефератѣ о новыхъ трудахъ по народной и поздней латыни ¹⁾ онъ признаетъ замѣчанія Зиттля достойными вниманія, однако и ему кажется, что Зиттль въ своей отрицательной критикѣ пошелъ слишкомъ далеко. По мнѣнію референта, граница между *sermo cotidianus* и *vulgaris* проведена слишкомъ рѣзко. Есть пограничная область, въ которой обѣ эти *sermone* соприкасаются; обѣ онѣ имѣютъ то общее между собою, что употребляютъ выраженія, изгнанныя изъ книжнаго языка или—при господствѣ архаизирующаго направленія—только тогда допускавшіяся, когда можно было подтвердить ихъ древними авторами. Между такими отступленіями отъ книжнаго языка несомнѣнно многое принадлежало и рѣчи обыденной и рѣчи народной. Марцелль и Сильвія ²⁾ даютъ примѣры въ подтвержденіе этого. Съ другой стороны архаизмы, реминисценціи изъ прочитаннаго въ школѣ встрѣчаются и у писателей, вообще обнаруживающихъ малое литературное образованіе. Не смотря на опасность, что кажуційся вульгаризмъ можетъ въ концѣ концовъ оказаться архаизмомъ, Гейеръ не считаетъ безнадежнымъ стараніе—слѣдить за обнаруженіями *sermo vulgaris* въ литературѣ. По его мнѣнію, вполне возможно встрѣтить такіе слѣды у авторовъ, не имѣвшихъ достаточнаго литературнаго образованія, чтобы писать чистымъ книжнымъ языкомъ, именно у нѣкоторыхъ спеціальныхъ писателей (медиковъ, землемѣровъ); изъ христіанской письменности относятся сюда сочиненія паломниковъ, на примѣръ Антонина изъ Плаценціи, равнымъ образомъ часть надписей, а также, между прочимъ, житія святыхъ. На возраженіе, что эти памятники представляютъ не вульгарную, но плохую латынь, авторъ отвѣчаетъ вопросомъ: если составители указанныхъ памятниковъ и не хотѣли писать вульгарнымъ языкомъ, то откуда явились у нихъ ошибки? Появились онѣ оттого, что авторамъ невольно приходили на умъ выраженія, звуки и конструкціи живой народной рѣчи. Чѣмъ меньше былъ авторъ образованъ въ литературномъ отношеніи, тѣмъ болѣе должны были у него проскальзывать и выраженія народной рѣчи, не принятая въ книжномъ языкѣ. Представляется не естествен-

¹⁾ Jahresber. Bd. 98 (1898, III), s. 33 ff.

²⁾ т. е. Этерія, какъ нынѣ можно считать доказаннымъ.

нымъ предположеніе, что христіанство, для котораго запасъ словъ языческихъ писателей былъ недостаточенъ, обходилось только новообразованиями и избѣгало черпать изъ неизсякаемаго источника живой народной рѣчи. Вообще референтъ полагаетъ, что, съ необходимыми предосторожностями и ограниченіями, можно и впредь говорить о народной латыни въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ. Романисты, которые въ этомъ вопросѣ близко заинтересованы, всѣ противъ такого радикальнаго, какъ у Зиттля, отрицанія. Горячая полемика Зеельмана ¹⁾ обращена лишь противъ попытокъ построить систему народной латыни съ пренебреженіемъ историческихъ источниковъ. И со стороны классическихъ филологовъ нѣтъ недостатка въ возраженіяхъ (напримѣръ у Blase, *Gesch. d. Plusquamperfekts im Lat.*, 1894, s. 105).

Къ рѣзкому противорѣчію въ новѣйшихъ сужденіяхъ о народной латыни, какъ замѣтилъ Гейеръ, подала поводъ недостаточная ясность въ понятіи о народной латыни и ея отношеніи къ книжному языку. Нѣкоторая часть ученыхъ представляла разность между той и другой рѣчью слишкомъ рѣзко; говорили даже о двухъ языкахъ, существовавшихъ въ Римѣ рядомъ и совершенно обособленно другъ отъ друга: языкъ живомъ, народномъ, и застывшемъ въ своихъ формахъ книжномъ языкѣ. При этомъ обращалось слишкомъ мало вниманія на то, что народная латынь не представляла единого замкнутаго языка, что, скорѣе, существовало много переходныхъ ступеней (въ зависимости отъ сословія, степени образованія и родины говорящаго) отъ *sermo vulgaris, rusticus, plebeius*, до *sermo cotidianus*, рѣчи обыденной, которая опять стояла близко къ *sermo urbanus*; не принималось также по надлежащему въ соображеніе то обстоятельство, что между книжнымъ языкомъ и народной рѣчью существовали соотношенія и взаимныя вліянія; наконецъ, упускалось изъ виду, что не только языкъ, которымъ говорили, но и книжный языкъ (хотя послѣдній въ болѣе слабой степени) со временемъ измѣнялся ²⁾. Къ недоразумѣніямъ легко могло дать поводъ преувеличенное значеніе самыхъ названій «вульгарная» или «народная латынь» и т. п. Нужно безусловно согласиться съ Löffstedt'омъ, что эти названія только относительно вѣрны и что категоріи

¹⁾ Göttinger gel. Anz. 1890, s. 665 ff.; Vollmöllers Krit. Jahresb. I, 49.

²⁾ Geuer, I. c.

явленій, объединяемыхъ такими названіями, не могутъ быть опредѣлены точно: «онѣ представляютъ различные оттѣнки—отъ дѣйствительно вульгарныхъ, нацарапанныхъ на стѣнахъ, надписей въ Помпеяхъ до обиходнаго языка комедій или полу-обработаннаго псевдолитературнаго изложенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ авторовъ, въ родѣ автора *Bellum Africum* или *Hispaniense*»¹⁾. Шведскій ученый видимо вполне раздѣляетъ приводимый имъ взглядъ Магх'а: «Опредѣлить сущность и понятіе народнаго языка такъ же трудно, какъ объяснить понятіе народной поэзіи. Мы можемъ указать только на отдѣльныя языковыя явленія, какъ на свойственныя и специально принадлежащія народному языку, и поэтому можемъ быть склонны назвать намятникомъ народной латыни тотъ памятникъ письменности, въ которомъ наблюдаются въ большомъ количествѣ такого рода явленія. Но какъ отдѣльныя явленія подобнаго рода могутъ быть указаны и у самыхъ знаменитыхъ писателей, такъ, наоборотъ, и утопченный языкъ вождей литературы разными путями проникалъ въ самые глубокіе слои низшаго населенія, что мы можемъ видѣть изъ застольныхъ разговоровъ плебеевъ у Тримальхиона»²⁾. Mohl также подчеркиваетъ то существенное наблюдение, что народная латынь не есть идиомъ твердо установившійся и отчетливо опредѣленный законами точными и неизмѣнными, и что она не была закрыта отъ вторженія литературныхъ формъ³⁾.

Границы между народной и классической и вообще литературной латынью въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ замѣтилъ еще Шухардтъ, можно указать точно; въ другихъ случаяхъ признаки, которые могли бы служить для ихъ опредѣленія, уже не уловимы для нашихъ глазъ; а еще въ иныхъ случаяхъ раздѣленіе обѣихъ языковыхъ областей невозможно по существу дѣла, такъ какъ или границы ихъ не постоянны и съ теченіемъ времени передвигаются, или между столичной и народной рѣчью вообще не было противоположности, но былъ постепенный переходъ одной рѣчи въ другую. Есть обороты

¹⁾ Löfstedt, Phil. Komm., 1911, s. 8.

²⁾ Ueber die Beziehungen d. Altlateins zum Spätlatein въ Neue Jahrbücher f. kl. Altertum, 1909, s. 435.

³⁾ Mohl, Introd., p. 265. По общему вопросу объ измѣненіяхъ въ латинскомъ языкѣ въ продолженіи его существованія и объ изученіи ихъ срав. статью „Лат. языкъ въ его исторіи“ („Христ. Чт.“ 1910. май—іюн. кн.) и замѣтки въ ж. „Гермесъ“, напримѣръ 1911, 1, 16—18.

въ надписяхъ, относительно которыхъ можно смѣло утверждать, что это — исключительно плебейскіе обороты, не возможные съ точки зрѣнія латинской грамматики, романскіе въ римское время; другіе же, напримѣръ у Плавта и Петронія, носятъ вульгарную окраску, но все-таки до нѣкоторой степени принаровлены къ книжному языку. Отсутствие границъ между народными и чисто литературными выраженіями замѣтно и тамъ, гдѣ оно прежде не предполагалось или даже отрицалось, какъ абсурдъ. Нѣкоторое иногда приближеніе къ народной рѣчи замѣчается даже въ нѣкоторыхъ рѣчахъ, особенно же въ письмахъ, Цицерона и у другихъ видныхъ авторовъ, если не говорить уже о позднѣйшихъ прозаикахъ ¹⁾, въ сатирахъ Горация и въ произведеніяхъ другихъ выдающихся классиковъ ²⁾. Есть множество ступеней между тѣмъ, что встрѣчалось только въ простонародномъ языкѣ, и тѣмъ, что наблюдалось лишь въ книжномъ языкѣ. «Одинъ и тотъ же человекъ пользовался иной латынью, когда совѣтовался съ своимъ рабомъ на счетъ закупокъ для пира, и другой латынью, когда запиской приглашалъ друга въ свою виллу, и опять иной латынью, когда писалъ оду въ честь вельможи» ³⁾.

¹⁾ Reising's Vorlesungen üb. lat. Sprachwissenschaft, hrsg. mit Anmerkungen von Naase (Lpz. 1839), Anm. 504 къ § 329 (объ изъявит. накл. въ зависимыхъ вопросит. предложеніяхъ). Наблюденіе, какъ видимъ, давнее. Срав. Буассье, Цицеронъ и его друзья, также Kraut, Das vulgäre Element in der Sprache des Sallust, Progr. 1881, и Uri, Quatenus apud Sallustium sermonis latini plebei aut cotidiani vestigia appareant, Diss. Paris, 1885. Barwinski, Quaest. ad Dracontium, Diss. 1887, p. 6, пишетъ: quod Ciceroni ipsi accidisse videmus, ut, cum orationes primas et ultimas, nedum epistulas, scriberet, ad vulgi sermonem descendere nonnumquam non vereretur, id ipsum inferioris temporis scriptores, cum iniqua et libertati et literis imperatorum aetate, ut Tacitus ait, memoria fere cum voce perderetur, bona mente saepius sibi indulserunt eoque minus in verborum delectu eorumque structura fastidiosi fuerunt, quo mediocrius ingenium et minor exercitatio atque usus scribendi iis erat.

²⁾ Ruckdeschel, Archaismen und Vulgarismen in der Sprache des Horaz, Diss. Erlangen 1910; 2-te Ausg. 1911; II-er Teil, Progr. 1911; срав. Reichmüller, Das Niechthorazische in d. Horazüberlieferung, 1911, s. 6. Вульгарные обороты наблюдаются и у Виргилія въ эклогахъ, по Sargeant, On Virgil eclogues 9, 17, въ The Class. Review XXIII, 1, 9. Слѣды народнаго языка находятъ у элегиковъ (B. ph. W. 1912, 12, 367). О влияніи державшихся въ народѣ способовъ выраженія мысли писалъ Bücheler въ Mélanges Boissier, Par. 1903 (по Bursian-Kroll Jahresber. 1911, III, 54—55).

³⁾ Schuchardt, I, 33. Сравн. диссертацию G. Dammann, Cicero quo modo in epistulis sermonem hominibus, quos appellat, et rebus, quae

Матеріаль для уясненія вида и характера народной, какъ и обыденной, латыни сохранился, какъ видно и изъ вышеизложеннаго, въ нѣкоторомъ количествѣ и до нашего времени, но онъ все же сравнительно скуденъ; притомъ записи его почти не воспроизводятъ языка совсѣмъ необразованнаго народа. Цѣльныхъ записей чисто народной рѣчи отъ древней поры не осталось, и такимъ образомъ прямого—въ точномъ смыслѣ—памятника, который замѣнялъ бы живую рѣчь, какъ копія замѣняетъ оригиналъ, у насъ нѣтъ. Для уясненія языка народа самое надежное средство—подслушивать рѣчь людей, лишенныхъ литературнаго образованія. Къ счастью, для этого есть нѣкоторая возможность. Въ надписяхъ нерѣдко слышится рѣчь совсѣмъ простыхъ людей. Здѣсь предъ наблюдателемъ множество ошибокъ противъ установленной орфографіи, выговора, формъ, управленія падежей; иногда сохранены надписями изгнанное изъ литературы слово или суффиксъ и т. д. Но и надписи не могутъ считаться дѣйствительнымъ, не прикрашеннымъ языкомъ народа. Составители надписей часто обнаруживаютъ стараніе показать свою образованность. Рѣзчиками надписей могли быть, какъ и теперь часто бываютъ, не туземцы, а переселенцы; начертывалъ надписи не заказчикъ, а мастеръ по этой части, работавшій подъ вліяніями профессиональныхъ традицій; у него или была подъ руками своего рода «книга формулъ», или въ его памяти, за время подготовки къ мастерству, запечатлѣлись обычныя формулы, въ предѣлахъ которыхъ вращалась большая часть надписей. Почетныя надписи писались условнымъ стилемъ и потому представляли мало случаевъ для обнаруженія мѣстныхъ народныхъ особенностей рѣчи. О несоотвѣтствіи этого рода памятниковъ дѣйствительному говору можно судить по самому виду буквъ: гдѣ господствуютъ квадратныя литеры, тамъ нужно ожидать и условнаго языка. Видимо ближе къ живой рѣчи находится курсивъ на стѣнахъ Помпей ¹⁾, на вощаныхъ и свинцовыхъ дощечкахъ и въ катакомбахъ.

langit, accommodaverit, 1910, и рецензію W. Sternkopf въ B. ph. W. 1911, 31, 958 ff.

¹⁾ Срав. Guericke, De linguae vulgaris reliquiis apud Petronium et in inscriptionibus parietariis Pompeianis. Diss. Königsberg 1884. Справ. Konjetzny, De idiotismis syntacticis in titulis latinis urbanis, въ Archiv XV, 297—351, и отзывъ Wagener въ Jahresber. 1911, 10—11 H., Bd. CLIV, III, S. 196.

И римская литература, особенно въ тѣхъ ея памятникахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отражается архаическая латынь ¹⁾, представляетъ нѣкоторые источники для познанія народной рѣчи. Это—остатки отъ народныхъ комедій, между которыми Ателланы являлись настоящими залежами деревенскихъ словъ, а отчасти и сохранившіяся палліаты ²⁾. Это, далѣе, разговоры Тримальхіона и его соотрапезниковъ въ Петроніевой *Sena Trimalchionis* ³⁾. Нѣкоторые матеріалы содержатся у Витрувія, Целса, Марцелла, въ *Bellum Africanum* и *Hispaniense*. Въ этихъ и другихъ ⁴⁾ памятникахъ содержатся, однако,

¹⁾ Вульгарная латынь во многихъ случаяхъ совпадаетъ съ архаической. Справедливо указывается, что, какъ всегда и всюду, рѣчь простаго человѣка въ Римѣ была консервативна и вѣрно хранила изъ стараго языкового наслѣдія много такого, что уже давно исчезло изъ языка образованныхъ классовъ. Такъ можно было бы думать съ значительной увѣренностью уже на основаніи общихъ соображеній, если бы даже это не было прямо засвидѣтельствовано Цицерономъ, который въ *De orat.* III, 12, 45 влагаетъ въ уста Красса слова: *Equidem quum audio soecrum meam Laeliam—facilius enim mulieres incorruptam antiquitatem conservant, quod multorum sermonis expertes ea tenent semper, quae prima didicerunt—; sed eam sic audio, ut Plautum mihi aut Naevium videar audire.* См. Ruckdeschel, *Arch. u. Vulg. in d. Spr. d. Horaz*, 2 Aug. 1911, s. 4.

²⁾ Tschernjaew, P.: *Terentiana. Eine Studie aus dem Gebiete des sogenannten Vulgärlateins*, Kasan 1900; *Terentiana. De sermone Terentii plebeio aut quotidiano*, Casani 1900; сравн. того же автора: *Terentiana. De Ciceronis studiis Terentianis*, Casani 1897, и Наблюденія надъ Теренціемъ и его истолкователемъ Донатомъ, Варшава 1910; Wahrmann, *Vulgärlateinisches bei Terenz*, въ *Wiener Studien*, 1908, 1; Bartel, *De vulgari Terentii sermone*, и отзывъ Wahrmann'a объ этой работѣ въ *ZöG.* 62, 11, 1035 f. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что рабы въ палліатъ говорятъ иначе, чѣмъ ихъ коллеги въ чисто туземныхъ шуткахъ. Въ комедіяхъ Плавта языкъ улицы, конечно, отобразился, но такого рода памятники все же не представляютъ народной латыни въ точности.

³⁾ Относительно Петроніева романа дѣлаются однако ограничительныя замѣчанія. Петроній выводитъ здѣсь не настоящихъ плебеевъ. Самъ Тримальхіонъ—внчтанный человѣкъ. И другія Петроніевы фигуры—не плебеи. Лица сатирика говорятъ скорѣе жаргономъ прислуги, чѣмъ языкомъ настоящаго римскаго плебея. Петроній, далѣе, высмѣиваетъ народную латынь; а это существенно вредитъ точности ея воспроизведенія. О языкѣ Петронія см. Heraeus, *Die Sprache des Petronius und die Glossen*, Lpz. 1899; отзывъ C. Wagener въ *Jahresber.* Bd. CLIV (1911, II), s. 172—173. Сравн. „Гермесъ“ 1911, 18, 457—460. Отз. о *Petronii Saturae*, rec. Buecheler, ed. quintam cur. Heraeus (1912)—въ *The Class. Review*, 1913, 4, 142—143.

⁴⁾ См. напр. *Carmina lat. epigraphica...* coll. Engström, 1912, и отз. Hosius въ *B. ph. W.* 1913, 48, 1512.

лишь отдѣльныя частности народной рѣчи, которыя являются какъ бы вкрапленными въ общую картину языка ¹⁾). Особую группу памятниковъ представляютъ сообщенія древнихъ грамматиковъ и глоссаторовъ. Грамматики дѣлають иногда прямыя указанія на деревенскія формы выраженія, *quasi rustico more dicta*, или указываютъ народныя особенности въ формѣ ихъ отрицанія, напр.: «*probavit*», non «*probatit*». Но сообщенія грамматиковъ отрывочны и не полны. Эти лица не имѣли настоящаго филологическаго интереса къ народной рѣчи; плебейскіе элементы языка представляли для нихъ интересъ не сами по себѣ, но только со стороны ихъ несоотвѣтствія требованіямъ классической правильности. да и то лишь между прочимъ; вниманіе ихъ обращалось по преимуществу на явленія классическія. Даже въ отдѣлахъ *de soloecismo* и *de barbarismo*, какъ отмѣтилъ Зиттль въ Герлицкомъ докладѣ, они не идутъ дальше теоретической установки видовъ языковыхъ ошибокъ; не многіе примѣры смѣшаны съ поэтическими лиценціями. Изъ грамматиковъ обнаруживаетъ сравнительно значительный интересъ къ народной латыни Консенцій ²⁾). Наиболѣе важнымъ свидѣтелемъ о народной латыни, и именно, повидимому, африканской, является такъ наз. *Appendix Probi* ³⁾, представляющій цѣнное собраніе плебейскихъ формъ словъ. Проведенная здѣсь система указаній встрѣчается иногда и въ глоссахъ Плацида: «*scribum*, non *scribum*», или обстоятельнѣе: «*sensorium per i scribimus*, non *per e*», между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ противоположенія не дѣлается: «*bitumen per b scribimus*» (подразумѣвается: non *per v*) ⁴⁾. Для уясненія деталей въ народной латыни поздняго времени имѣютъ свою цѣну всѣ вообще памятники латинской письменности, составлявшіеся не подъ чисто литературными вліяніями, каковы довольно многіе памятники христіанской письменности, или даже почти внѣ этихъ вліяній, какъ, напримѣръ, *Lex Salica*.

¹⁾ Древніе писатели, не преслѣдовавшіе филологическихъ цѣлей, считали нужнымъ даже извиняться, если имъ доводилось употребить деревенское слово или народный оборотъ.

²⁾ Сравн. A b b o t, *Vulgar Latin in the Ars Consentii*. Обзоръ содержанія этого труда данъ въ *W. f. kl. Ph.* 1910, № 42.

³⁾ Срав. G. P a r i s, *Mél. lingu.*, p. 32 ss., и S i t t l, *Die Heimat der App. Probi* въ *Arch.* VI, 357 f. Работы объ *Appendix* указаны и разсмотрѣны въ рефератѣ G e y e r'a въ *Jahresber.* Bd. 98 (1898, III), s. 98—99.

⁴⁾ S c h u e b., I, 3.

Въ довольно многихъ позднихъ памятникахъ слѣды народной латыни приходится розыскивать, такъ какъ авторы старались писать книжнымъ языкомъ.

Обильный матеріалъ для возстановленія народной латыни доставляется источникомъ, который вполне оцѣнить лишь сравнительно недавно, со времени Fr. Diez'a и позднѣйшихъ романистовъ ¹⁾. Этотъ источникъ открывается въ сравненіи латинскаго языка съ родственными по нисходящей линіи языками, именно романскими или нео-латинскими ²⁾. Эти языки суть прямые потомки именно народнаго латинскаго языка, который лежитъ въ ихъ основѣ и въ нихъ продолжаетъ жить, и изученіе ихъ бросаетъ на исторію латинской народной рѣчи яркій свѣтъ: изъ согласныхъ свидѣтельствъ романскихъ языковъ романисты, имѣя въ виду языковые законы, заключаютъ, какія явленія въ латинскомъ языкѣ предполагаются ихъ нынѣшней формой. Форма, напримѣръ, *veclus*, вмѣсто *vetulus*, отвергаемая грамматикомъ III вѣка, могла бы быть возстановлена на основаніи романскихъ языковъ (итал. *vecchio*, фр. *vieil*), если бы даже она не была засвидѣтельствована ³⁾. Данными романскихъ языковъ, какъ замѣтилъ Шухардтъ, доказываются звуковыя явленія, для которыхъ изъ древности имѣется на лицо мало примѣровъ; они открываютъ перспективу пространственнаго развитія или распространенія разныхъ переменъ въ языкѣ ⁴⁾. Романскіе языки представляютъ коррек-

¹⁾ Friedrich Diez, *Grammatik der romanischen Sprachen*, 5 Aufl. 1882; *Etymologisches Wörterbuch der roman. Sprachen*. 4 Ausg. 1878. Сравни. Meyer-Lübke, *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 1 und 2/3, Heidelberg 1911 (Rec.: *Liter. Zentralbl.* 1912, 5, 167—8).

²⁾ Общее названіе „романскій языкъ“ проще всего, кажется, примѣнять къ народной латыни съ той поры, какъ начинается отдѣльное ея развитіе въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Германцы, своимъ завятіемъ Галліи и Испаніи, прекратили (точнѣе, ослабили и затруднили) сношенія Италіи съ названными странами, вслѣдствіе чего, главнымъ образомъ, и стало возможно отдѣльное развитіе народной латыни въ этихъ земляхъ. Поэтому Brüsch, *Der Einfl. d. germ. Spr.*, 1913, s. 3—4, полагаетъ, что дифференцірованіе лат. народнаго языка и преобразование его въ романскіе началось въ V вѣкѣ, когда германцы заняли Галлію и Испанію. Сравни. Mohl, *Introd.*, p. 1 ss. о трудностяхъ при опредѣленіи хронологіи и топографіи народной латыни.

³⁾ Skutseh, *Die lat. Spr.*, въ *Die Kultur d. Gegenw.*, s. 438.

⁴⁾ Schuch, 29. Сравни. Pott, *Das Latein im Uebergang zum romanischen*, въ *Zeitschr. f. Alterthumswiss.*, 1853 и 1854; *Plattlateinisch und Romanisch*, въ *Ztschr. f. vergl. Sprachforsch. von Kuhn*, t. 1; Gröber, *Vul-*

тивъ къ свидѣтельствамъ, сохраненнымъ въ литературѣ и у грамматиковъ ¹⁾). Наконецъ, при уясненіи народной латыни слѣдуетъ имѣть въ виду иноязычныя вліянія на нее, въ томъ числѣ греческія ²⁾, кельтскія ³⁾, германскія ⁴⁾).

Такимъ образомъ составъ и видъ народнаго латинскаго языка для человѣка новаго времени не есть нѣчто сполна данное, но въ нѣкоторой части лишь опредѣляемое. Нуждается въ дальнѣйшемъ уясненіи специальными изслѣдованіями и отношеніе народнаго языка къ литературному, а также вообще его мѣсто и значеніе среди языковыхъ обнаруженій древне-латинской мысли. Для лицъ, имѣющихъ дѣло по преимуществу съ христіанскими текстами и съ явленіями въ исторической жизни христіанства, въ особенности важно уясненіе положенія и значенія народнаго языка, прежде всего, въ періодъ появленія христіанства на западѣ, точнѣе—въ ту пору, когда христіанство стало пользоваться этимъ языкомъ для проповѣди, богослуженія и другихъ церковныхъ надобностей, а затѣмъ—опредѣленіе характера и размѣровъ вліянія народной рѣчи на языкъ христіанскихъ писателей.

Христіанство должно было пользоваться латинскою народною рѣчью ⁵⁾). Самые ранніе и крѣпкіе корни пустило оно въ низшихъ слояхъ и сословіяхъ народа; и распространялось оно въ теченіи долгаго времени по преимуществу въ низшихъ классахъ. Проповѣдь обращалась въ особенности къ людямъ изъ народа, и нужно было умѣть говорить ихъ языкомъ.

gärlat. Substrate roman. Wörter, въ Archiv I, II, III, VI. Bonnet въ L. Lat. de Gr. de T., p. 35, n. 2, одобряетъ мнѣніе Körtling'a, Encykl. d. rom. Phil., II, 325, который полагаетъ, что развитію народной латыни въ романскіе языки благоприятствовало и его ускоряло исчезновеніе живо книжной рѣчи. Съ исчезновеніемъ послѣдней палъ важнѣйшій оплотъ противъ естественнаго развитія и всеобщаго господства народной латыни. Между тѣмъ, по взгляду нѣкоторыхъ, латинскій народный языкъ одинъ распространился въ провинціяхъ.

¹⁾ Stolz въ Histor. Gr. d. lat. Sp., I, 1, s. 23.

²⁾ Weise, Die Griechischen Wörter im Latein, Lpz. 1882; Brenou Etude sur les hellénismes dans la syntaxe latine, Paris 1895.

³⁾ Срав. Schramm, Sprachl. z. lex Salica, 1911, s. 70.

⁴⁾ Brück, Der Einfl. d. germ. Spr. auf d. Vulgärlatein, 1913.

⁵⁾ Сравн. статьи: „Лат. языкъ въ богослуженіи древней западной церкви“—въ „Христ. Чт.“, 1912, февр. кн., и „Изъ исторіи уясненія древне-латинскаго и Иеронимова текста Библии“—въ „Хр. Чт.“ 1913 февр. кн.

Августинъ писалъ: «часто я употребляю выраженія не свойственныя хорошей латыни; это дѣлается для того, чтобы лучше понимали меня. Лучше будетъ, если грамматики станутъ порицать меня, чѣмъ если не пойметъ меня народъ». Такъ же, нужно полагать, разсуждали и поступали христіанскіе проповѣдники и раньше. Когда западные христіане не только для надобностей богослуженія, но и для домашняго употребленія ¹⁾ переводили Библию, они естественно хотѣли сдѣлать ее разумительною для всѣхъ. Отсюда народныя выраженія въ первыхъ переводахъ священныхъ книгъ, а позже и въ переводѣ Геронима. Отцы церкви и писатели церковные въ своихъ догматическихъ, экзегетическихъ и иныхъ трудахъ раскрывали множество новыхъ, притомъ отвлеченныхъ идей, передать которыхъ средствами наличнаго литературнаго языка было не возможно. Здѣсь могъ помочь только народный языкъ, который былъ въ полномъ смыслѣ живымъ языкомъ, свободнымъ отъ педагогическихъ иногда стѣсненій теоріи и способнымъ къ дальнѣйшему обогащенію, путемъ творческой дѣятельности народнаго генія, въ большей мѣрѣ, чѣмъ языкъ книжный. Самымъ впушительнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ является, по справедливому замѣчанію Монсо, примѣръ блаженнаго Геронима. Онъ владѣлъ литературнымъ языкомъ какъ, можетъ быть, никто въ его время, и это доказалъ на дѣлѣ; но если читать его переводъ Библии и истолковательные и догматическіе трактаты, то сейчасъ же можно замѣтить усвоеніе имъ словъ и оборотовъ народныхъ. Это была необходимость, которой долженъ былъ подчиниться и этотъ образованнѣйшій христіанскій писатель, вопреки своимъ личнымъ вкусамъ ²⁾.

Было бы исторически неправильно утверждать вообще, какъ дѣлалъ это напримѣръ Шухардтъ, будто христіанскіе писатели, учителя и отцы пренебрегали чтеніемъ и изученіемъ языческихъ авторовъ и порицали его, слѣдовательно не цѣнили классически изящной формы изложенія. Но, конечно, неоспоримо, что довольно многіе христіанскіе авторы, по вопросу объ образованіи и языкѣ, судили не такъ, какъ привыкли думать литературно образованные язычники, живые носители непрерывавшихся античныхъ традицій въ языковомъ отноше-

¹⁾ A. Harnack, Ueber den privaten Gebrauch der Heiligen Schriften in der alten Kirche, Лpz. 1912, особенно стр. 22 и сл.

²⁾ Monceaux въ Rev. d. d. m., p. 440—441.

ни. Типичнымъ выразителемъ взглядовъ такихъ христіанъ былъ папа Григорій I, выражавшій мысли въ родѣ слѣдующихъ: *indignum vehementer existimo, ut verba caelestis oraculi restringam sub regulis Donati*. Отступленія отъ нормъ языка, установленныхъ образцовыми писателями и теоретиками языка—грамматиками, весьма часто вызывались у христіанъ именно вліяніями безыскусственной народной рѣчи. Отсюда необходимость изученія латинскаго народнаго языка въ интересахъ познанія христіанской латыни, какъ долженъ изучаться и изучается греческій народный языкъ ради уясненія новозавѣтнаго греческаго языка ¹⁾).

Возможно полныя указанія на вульгарные элементы въ христіанской латыни будутъ представлены въ подготовляемомъ опытѣ историческаго обзора всей латыни древнихъ христіанъ. Здѣсь же пока достаточно ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что черты народной рѣчи наблюдаются и указываются въ очень многихъ христіанскихъ памятникахъ: въ латинской Библии ²⁾, въ памятникахъ литургическихъ ³⁾, у многихъ христіанскихъ авторовъ ⁴⁾ какъ древнѣйшаго, такъ и болѣе поздняго времени, напримѣръ у Тертулліана ⁵⁾, у авторовъ двухъ римскихъ писемъ и трехъ африканскихъ, присоединенныхъ къ корреспонденціи Кипріана ⁶⁾, у Коммодіана ⁷⁾, Арнобія ⁸⁾, Этеріи (по прежнему названію Сильвіи) ⁹⁾, даже у Драконтія ¹⁰⁾ и у мно-

¹⁾ L. Radermacher, Neutestamentliche Grammatik. Das Griechisch des Neuen Testaments im Zusammenhang mit der Volkssprache, Tübingen 1911, и рецензіи на эту книгу въ разныхъ изданіяхъ (напр. В. рп. W. 1912, 41, 1277). О вульгарной рѣчи въ Александрійскомъ переводѣ срав. между прочимъ, Anz въ Diss. phil. Hal., vol. XII, pars II. Интересны сужденія, изложенныя въ Glotta, IV, 4 (1913), s. 328.

²⁾ Кроме раниѣйшихъ трудовъ Thielmann'a, Rönsch'a и друг., можно назвать Soden, Das lat. N. T. in Afrika, passim.

³⁾ Monc, Messen, 40 ff.

⁴⁾ Срав. Sittl, Rusticitas der theol. Schriftsteller, въ Archiv, VI, 560 f.; Bruhn, De rusticitate script. ecclesiasticorum, въ книгѣ: Specimen vocabularii rhetorici, 1911, pag. 6 ss.

⁵⁾ Это видно отчасти изъ Hauschild, Die Grunds. d. Wortbild. bei T., I, 3.

⁶⁾ Срав. Bayard, p. XVII.

⁷⁾ Для примѣра можно процитовать Brewer, Komm. v. G., 332 A., и Zeller, Die Z. Komm., 87—88.

⁸⁾ Stange, напримѣръ, въ De Arn. oratione, 1893, приводитъ verba ex vulgari sermone deprompta.

⁹⁾ Обстоятельныя сообщенія далъ Löffstedt въ своемъ Kommentar.

¹⁰⁾ Barwinski, Quaest. ad Draec., Diss. 1887, p. 39 ss.

гих других, особенно если их тексты. научно установленные, представляют, гдѣ требуется существомъ дѣла, бережное воспроизведеніе рукописнаго преданія ¹⁾, а также въ христіанскихъ надписяхъ ²⁾.

Кромѣ собственно народной латыни, въ языкѣ христіанъ должна была отражаться и латынь обыденной жизни образованныхъ классовъ ³⁾. Даже весьма образованные люди не всегда и, можетъ быть, не часто выражались въ ежедневномъ быту литературно и по книжному, какъ это повсемѣстно наблюдается и теперь. Преподаватель риторики Квинтиліанъ, по его

¹⁾ Сравн. отзывъ о трудахъ Löffstedta въ журн. „Гермесъ“ 1912, 3, 79—83, замѣтку „Рукописное преданіе и перемѣны въ немъ“—„Гермесъ“ 1911, 6, 143—146, и замѣтки въ томъ же изданіи 1912, 14, 356—358; 1910, 15, 387—388, и друг. Консервативную точку зрѣнія настойчиво проводить W. A. Baehrens (сынъ извѣстнаго Эмилія Баренса) въ Beiträge zur lat. Syntax. Sonderabdruck aus Philologus, Supplementband XII, zweites Heft, Lpz. 1912. Синтаксистъ J. H. Schmalz ставитъ это въ одну изъ заслугъ младшаго Баренса (B. ph. W. 1913, 22, 686—698).

²⁾ Характерно, что Шухардтъ сначала хотѣлъ собрать деревенскія формы собственно изъ христіанскихъ надписей. Очевидно, итѣмцкій ученый представлялъ связь между народной латынью и латынью христіанъ (по крайней мѣрѣ въ одномъ видѣ послѣдней — въ надписяхъ) очень тѣсною.

³⁾ Въ литературѣ предмета, кромѣ многихъ изъ вышеуказанныхъ трудовъ о народной латыни, иногда близко соприкасающейся съ обиходной рѣчью и перѣдко даже отождествляемой съ нею (сравн., напримѣръ, изъ близкаго времени Brück, Der Einfl. d. germ. Spr., 1913, s. 2), можетъ быть выдѣленъ интересный очеркъ Rebling'a. Versuch einer Charakteristik der röm. Umgangssprache auf syntaktischem und lexikalischem Gebiete, 1883. Срав. отзывы о первомъ изданіи, вышедшемъ въ 1873 году, въ Liter. Centralblatt 1873, Sp. 846, въ Bursians Jahresber., Jahrg. 1, s. 371, 673, 1461, и въ Phil. Anz. 1876, VII, 71, и о второмъ изданіи—въ Jahresber. Bd. 40, 1884, III,—s. 317.

Preibisch, De sermonis cotidiani formulis quibusdam veterum Romanorum. Diss. 1908. Rec.: Schmalz въ B. ph. W. 1912, 45, 1421—1422.

Landgraf, Bemerkungen zum sermo cotidianus in den Briefen Ciceros und an Cicero, въ Blätter f. d. bayr. Gymn., XVI, s. 274 ff., 317 ff.

Языка, которымъ говорили на латинскомъ и латинизированномъ западѣ, касается Skutsch въ Kultur d. Gegenw., Meyer-Lübke въ Gröber's Grundriss d. Roman. Philologie. I. Отдѣльные замѣчанія объ обыденной латыни разстѣяны въ весьма многихъ изданіяхъ, напримѣръ въ Bellanger, In Ant. Placent. Itinerarium, въ критическихъ замѣткахъ, напримѣръ проф. А. Маленна въ „Гермесъ“ 1910, 11—12, 299 слл. и друг. Colloquial Latin касается Classical Review tom. XXIV, 1910, p. 30. Срав. также Schwyzler, Die Weltsprachen d. Altertums, s. 31.

собственному признанію. выражался въ семьѣ, съ друзьями и слугами, совсѣмъ не такъ, какъ на кафедрѣ. Этотъ обиходный языкъ образованныхъ людей, имѣвшій, разумѣется, не мало общаго и съ рѣчью простого народа, называется у древнихъ (Квинтиліана, Светонія, Сенеки, Геллія, а равно и Цицерона) обыденнымъ языкомъ, *sermo cotidianus*, но чаще, особенно при передачѣ соответствующаго греческаго термина *συνηθεια* и подобныхъ ему, употребляются выраженія: *consuetudo*, *usus*, *usitate*, также *vulgo* (у Квинтиліана, грамматиковъ, Августина). Обыденный языкъ образованнаго класса отличался отъ вульгарнаго ¹⁾, однако кое въ чемъ и сходился съ нимъ; слишкомъ рѣзкой грани между ними, повидимому, не слѣдуетъ проводить ²⁾. Обиходный языкъ нигдѣ не бываетъ вполне одинаковъ даже въ одно и то же время; онъ представляетъ значительныя разности по мѣсту, и онѣ тѣмъ многочисленнѣе и важнѣе, чѣмъ шире его распространеніе; въ немъ есть много различій въ зависимости отъ развитія и общественнаго положенія людей, которые имъ пользуются.

Обыденный разговорный языкъ наблюдается по преимуществу ³⁾ въ тѣхъ видахъ литературы, въ которыхъ преобладаетъ діалогъ или которыя близки къ діалогической формѣ изложенія: больше всего въ комедіи ⁴⁾, меньше въ сатирѣ, романѣ, письмѣ ⁵⁾. Впрочемъ, обыденный разговорный языкъ

¹⁾ Sittl въ Гёрлицѣ полагаетъ, что если бы образованному римлянину сказали, что онъ говоритъ вульгарно, народнымъ языкомъ, то онъ принялъ бы это за тяжелое оскорбленіе.

²⁾ Изследователями они часто совсѣмъ не различаются. Ruch deschel, I. e., 2. Ausg., 1911, S. 5, пишетъ: Unter „volkstümlich“ oder „vulgär“ begreife ich nach Wölfflin die Umgangssprache in all ihren Schattierungen vom sermo familiaris der Gebildeten bis zum sermo plebeius der Gasse. Сравни. „Гермесъ“ 1911, 18, 454—457.

³⁾ Preibisch, p. 5, справедливо замѣчаетъ, что при указаніи источниковъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о формулахъ обыденной рѣчи древнихъ римлянъ, не слѣдуетъ пренебрегать ни однимъ авторомъ, писавшимъ по латыни, хотя и прибавляетъ, разумѣется, что не все писатели одинаково важны для этой цѣли.

⁴⁾ О значеніи *sermo cotidianus* для Теренція сраб. „Гермесъ“ 1910, №№ 11—12 и 15 по поводу работъ проф. Черняева. Въ некоторыхъ отношеніяхъ болѣе важенъ здѣсь Плавтъ.

⁵⁾ Въ сатирической литературѣ имѣются въ виду, кромѣ фрагментовъ изъ Луцилія и отрывковъ Менипповой сатуры Варрона, стихотворенія Персія и Ювенала (сравни. напримѣръ Eichenberg, De Persii satirarum natura atque indole, I. по В. ph. W. 1906, 26, 808), сатирической

является здѣсь въ литературный обработкѣ, и даже раннѣйшіе памятники этого рода не представляютъ безусловно точной передачи дѣйствительной разговорной рѣчи. Что касается, въ частности, писемъ, то дружеская переписка, по употребленію, конструкціи и расположенію словъ, неоспоримо, близко подойти къ обыденной рѣчи; но многія письма, при самомъ ихъ составленіи, назначались для широкаго круга читателей, или же впоследствии отдѣлывались въ виду такого ихъ назначенія, и потому непринужденность ихъ стиля есть до извѣстной степени дѣло искусства. Признается возможнымъ сказать это даже о перепискѣ Цицерона съ Аттикомъ, изложеніе которой обычно характеризуется (въ общемъ, съ полнымъ правомъ) терминомъ *sermo familiaris*) ¹⁾. Извѣстны извлечения изъ дружескихъ писемъ, сохранившіяся въ біографіяхъ императоровъ, и Светоніевы указанія на *sermo cotidianus* писемъ Августа; однако и здѣсь, какъ замѣчено, являлся предъ читателемъ авторъ, для котораго извѣстная искусственность въ языкѣ стала второю природою ²⁾. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, сохранныхъ біографіями цезарей, несомнѣнно отразилась живая рѣчь со всѣмъ богатствомъ ея образовъ и проч., но вообще здѣсь выступаетъ уже литературно отдѣланная, хотя по существу и обыденная, рѣчь. То же можно сказать объ языкѣ нѣкоторыхъ памятниковъ съ христіанскимъ содержаніемъ, въ родѣ протоколовъ или дѣяній соборовъ, или записей о мученическихъ про-

романъ Петронія, *Arcolocynthisis* Сенеки и *Sermones* Горация, о которыхъ см. L. Mueller въ его большомъ комментированномъ изданіи сатиръ и писемъ Горация, и въ особенности Ruedeschei, *op. cit.* Для писемъ Цицерона, кромѣ книги Буассе о Цицеронѣ и его друзьяхъ, сравн. G. Landgraf, *Bemerkungen zum sermo cotidianus in den Briefen Ciceros und an Cicero*, въ *Bl. f. d. bayer. Gymn.*, Bd. XVI, 1880. Часть литературы объ обыденной рѣчи указана въ *Jahresber.* Bd. 40, — 1884, III, — s. 330 ff.

¹⁾ Cic. *ap. Att.* I, 9, 1. Ученые издатели со вниманіемъ и по возможности бережно обращаются нынѣ со слѣдами обиходнаго языка, сохранными рукописнымъ преданіемъ писемъ Цицерона, какъ и другихъ памятниковъ литературы, и не хотятъ передѣлывать его по требованіямъ литературнаго стиля, какъ бывало раньше. Klotz въ рецензій на трудъ Sjogren'a, *Commentationes Tullianae*, Uppsala 1910, пишетъ: *man muss — daran gewöhnen dass Ciceros Briefstil noch mehr der Umgangssprache sich nähert, als man anzunehmen geneigt sein könnte* (*B. ph. W.* 1911, 7, 203; cf. Sp. 204).

²⁾ Sittl. докладъ въ Görlitz, s. 389.

цессахъ, хотя требованія условнаго стиля многое здѣсь стерли ¹⁾. Слѣды обыденной рѣчи наблюдаются и у многихъ христіанскихъ писателей съ литературнымъ именемъ, напримѣръ у Минуція Феликса ²⁾ и Тертулліана ³⁾. Рядъ древнихъ и позднѣйшихъ писателей, интересныхъ въ указанномъ отношеніи, увеличивается довольно замѣтно, вмѣстѣ съ усиленіемъ научнаго интереса къ поздней латыни вообще ⁴⁾.

А. Садовъ.

¹⁾ Сюда же относятся записи нѣкоторыхъ собесѣдованій о вѣрѣ. См. напримѣръ бесѣду у Caspary въ *Anecdota*, I, 133 ss., и *Arnobii catholici et Serapionis conflictus* въ *Migne* LIII, 238 ss.

²⁾ Seiller, сравнивая языкъ Минуція съ языкомъ современныхъ ему Тертулліана и Апулея, находитъ, что Минуцій пропускалъ обыденную рѣчь въ свое изложеніе, такъ сказать, задней дверью, между тѣмъ какъ у Тертулліана и Апулея эта рѣчь входила въ ихъ языкъ какъ бы сквозь настежь сткрытыя двери (Seiller, 16).

³⁾ По мнѣнію Вельфлина, передаваемому у Horre (*Synt. u. Stil d. T.*, S. 148), Тертулліанъ überhaupt der Umgangssprache am nächsten steht.

⁴⁾ Сравн. „Изученіе языка латинскихъ христіанскихъ писателей“ въ журналѣ „Гермесъ“ 1910, I, 17—19, и друг., также замѣтку въ названномъ изданіи, 1913, 19, 503—506: „Одна изъ задачъ при историческомъ изученіи латинскаго языка“.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки